

Война была лишь фрагментом грузино-абхазского конфликта

В Южнокавказском региональном фонде им. Г. Белля возобновились семинарские занятия по актуальным общественным проблемам.

С различных позиций оценивали грузино-абхазский конфликт выступавшие на встрече полковник **Акиа Барбакадзе**, член организации "Кавказский диалог" **Вахтанг Колбая**, эксперт по вопросам грузино-абхазских отношений **Паата Закареишвили**.

Акиа Барбакадзе:

– Говоря о предыстории грузино-абхазского конфликта, необходимо вспомнить, что красный террор, осуществленный большевиками по всей стране, абхазами воспринимался в качестве насилия над ними со стороны грузин. Тем более, что в 30-50-е гг. во главе Советского государства находились грузины – И. Сталин и Л. Берия.

В 1992 году нам не удалось политическими методами разрешить грузино-абхазский конфликт, и началась война, которая для грузин была продолжением гражданской войны, а для абхазов – борьбой за выживание. Итак, в течение XX века мы два раза пробудили в абхазах инстинкт самосохранения.

К сожалению, отсутствие государственного сознания, организации и управления, неправильное использование рычагов власти, отсутствие гражданского общества, политические действия, основанные на эмоциях – дали возможность России осуществить свои намерения в отношении Грузии.

Перед началом войны вместо армии мы имели разрозненные вооруженные формирования, подчиняющиеся не единому командованию, а полевым командирам.

В июле 1992 года под нажимом России произошла консервация грузино-осетинского конфликта, в августе того же года начинается грузино-абхазская война. Но этим процессом предшествовала гражданская война 1991 года. Я полагаю, что все это звенья одной цепи.

До начала войны в Абхазии в Западной Грузии продолжалась гражданская война между сторонниками экс-президента З. Гамсахурдиа и правительственными вооруженными силами. Повстанцы использовали Гальский район в качестве глубокого тыла. Центральные власти решили, что перенос войны в Абхазию может погасить огонь гражданской войны. И это, на мой взгляд, было большой, политической ошибкой.

Единственной успешной операцией, осуществление которой удалось нашим вооруженным силам в начале войны, было занятие территории.

Война в Абхазии не была войной в классическом смысле этого слова. Это скорее была западня для Грузии. Не было запасов, не производилось оружие, не было альтернативных возможностей его приобретения, лишь единицы владели военным ремеслом на профессиональном уровне.

До начала военных действий грузинских военных инструктировали русские офицеры, с момента начала войны они исчезли, и нам приходилось искать профессиональные военные кадры на всем постсоветском пространстве.

То, что на стороне абхазов оказалась "Конфедерация горских народов Кавказа", свидетельствует о том, что России удалось повернуть против нас ту силу, которая могла бы оказаться угрозой ее внутренней стабильности. Об этом

свидетельствуют последующие явления – война в Чечне и нынешняя напряженная ситуация в Кабардино-Балкарии.

Еще в ходе войны многие отмечали отсутствие какой-либо идеологии. Телепередачи рекламировали торговые рейсы в Дубай, Тбилиси продолжал жить размеренной мирно жизнью... Один офицер русской разведки сказал: "То, что вы Гагры потеряли, еще ничего, но я не вижу, где честь нации".

Сложности в осуществлении военных операций были связаны и с тем, что в Самегрело нам противостояли повстанцы, то есть в войне сказалась и феодальная раздробленность Грузии. За каждым военным успехом с нашей стороны следовали переговоры с участием российских представителей, отводом войск на исходные позиции и сокращением военного обеспечения. Вообще логистики как таковой не существовало.

Война в Абхазии, конечно, была запланирована в России, и ее целью было не "разделяй и властвуй", а "истребляй и властвуй". Так были уничтожены и изгнанные из своих домов тысячи грузин. Никаким иным способом, кроме военного, осуществить подобный замысел было невозможно.

Та политическая ситуация, которая была в Грузии до войны, не многим отличается от сегодняшней. В армии место полевых командиров заняли военные с низким уровнем квалификации. То есть, бригадами руководят те, кто имеет опыт управления ротой или батальоном.

Модератор Давид Паичадзе:

– Я хочу обратиться с вопросом к господину Вахтангу Колбая, насколько время, прошедшее после окончания войны, залечило нанесенные ею раны? Я, разумеется, имею ввиду не физические, а душевные раны.

Вахтанг Колбая:

– К сожалению, прошедшие после войны годы не привели в нашем обществе к переоценке тех событий, которые произошли в начале 90-х годов.

Тбилиси никогда не знал о том, что происходит в Абхазии. И сегодня в Тбилиси не знают, какие общественные настроения существуют в Абхазии. К примеру, когда мы говорим, что жители Гальского района не воевали против абхазов и как бы вменяем это им в вину, то и в этом случае мы проявляем наше незнание специфики этого региона. Быть может то, что гальцы не принимали участие в войне, облегчает нам сегодня возможность диалога с абхазской стороной.

Вспомним 50-е годы. Выходит научный труд П. Ингороква, в котором обосновывается пришлое апсуйцев с Северного Кавказа. Обсуждение этой темы привело к массовым волнениям в Абхазии. Потом Совет министров Грузии принял решение о замене абхазских топонимов на грузинские, позже пришлось отказаться от этого намерения. То есть, я хочу сказать, что существовали основания для формирования антагонистических настроений в отношении грузин.

С приходом новой власти в Грузии, которая все еще пользуется высокой степенью доверия со стороны значительной части нашего общества, появился шанс для формирования новых политических отношений с Абхазией, таких отношений, которые в конечном счете могут привести к разрешению конфликта.

До войны были попытки его политического решения. Однако участвующие в этом процессе силы были разобщены и не могли серьезно противостоять тем, кто тянул страну в пропасть гражданской войны.

Коротко напомним слушателям о тех событиях в Абхазии, которые предшествовали началу войны. Изгнание военного комиссара, изгнание из Эшеры грузинского населения и расположение на этой территории военного полка под командованием Какалия. Нападение на министра внутренних дел. События 1989 года, которые носили не спонтанный характер, а были реализацией запланированной спецслужбами операции. Серьезный анализ этих событий и соответствующее на них реагирование, быть может, дали бы возможность избежать катастрофы.

Среди беженцев в настоящее время преобладают пессимистические настроения. И это, к сожалению, имеет свои основания, поскольку, возможно, в кулуарах политической жизни что-то и происходит, но пока не видно никаких положительных результатов. Думаю, что пора предпринять более решительные, но обдуманные действия, поскольку при нынешних условиях нас в Абхазии никто не ждет.

Реплика из зала: Но мы ведь намерены открыть железнодорожное сообщение...

Вахтанг Колбая:

– Это другой вопрос, но надо сказать, что открытие железной дороги зависит не только от нашей воли.

Паата Закареишвили:

– Грузино-абхазская война есть лишь незначительная часть того большого явления, которое можно определить как грузино-абхазский конфликт. К сожалению, в Грузии до сих пор не произошло осмысления этого и когда говорят о грузино-абхазском конфликте, то, как правило, имеют в виду лишь войну 1992-1993 годов. Это тревожит, поскольку если конфликт воспринимается лишь в контексте войны, то не исключено ее повторение.

Если мы причину войны будем видеть лишь в негодном режиме Э. Шеварднадзе или в имперской политике России, не осознавая при этом своей ответственности за случившееся, то мы вновь будем далеки от возможности построения национального государства.

Мне трудно давать оценку событиям 1992-93 гг., поскольку не произошло переоценки того, что произошло тогда в Абхазии. Суть наиболее распространенной легенды в грузинском обществе выражается в словах: мы не смогли хорошо повоевать. Большая часть грузин вовсе не задается вопросом, а возможно ли войной разрешение подобного рода конфликтов?

То, что нас не возмущает военная риторика нынешних властей, относительно усиления вооруженных сил, выделение на военные нужды значительных бюджетных средств в то время когда в бедственном положении находятся наука, культура, образование и вся сфера социальной жизни, говорит о том, что в сознании общества жива идея военного реванша.

Несмотря на то, что с самого начала войны я был ее категорическим противником и участвовал в ней лишь с миротворческой миссией, занимаясь обменом пленными, как и большинство ее участников, я надеялся на ее скорое окончание. В начале война носила даже романтический характер, были контакты с абхазской стороной, "подарки" пленным противников... Но с падением Гагры обнажилось звериное лицо войны, проявилась ее варварская сущность. Обнаружилось и то, что мы были совершенно не подготовлены к ней. Кажется не

знали даже того, что у нас могли оказаться убитые, которых надо было перевозить и хоронить. Не было лагерей для пленных, в которых надо было их содержать... В течение всего периода военного времени царили произвол и безответственность.

Когда президент М. Саакашвили на встрече с молодежью говорит, что Абхазия наша, то под словом "наша" он не имеет в виду абхазов. Подразумевается лишь грузинская сторона. То есть сохраняется установка прежней власти – это наше государство и в нем все должно быть так, как мы скажем. Почему при такой установке мы ждем каких-то шагов навстречу с абхазской стороны? Не потому ли, что Грузия признана международным сообществом? Но для абхазов это ничего не значит. Для них намного предпочтительнее их нынешнее положение, чем единство с Грузией, в которой под большим вопросом окажутся их права. До сегодняшнего дня абхазы получают от нас лишь два сообщения: возвращение беженцев и восстановление территориальной целостности. Ни в одном из этих требований нет ничего, что отвечало бы интересам абхазов.

Абхазы допускают ту мысль, что когда-то они станут частью Грузинского государства. Но в какой форме может это произойти им трудно себе представить, поскольку никаких позитивных сигналов от нас к ним не идет. Разве что голословное заявление о мирном решении конфликта. Но "мирный путь" предполагает множество вариантов. Поэтому – это декларативное заявление. Когда говорят, а что нам принес миротворческий процесс? У меня появляется вопрос – а начинался ли этот процесс? Процесс не начинался, были только разговоры о нем.

Вопрос из зала: Вы говорите, что грузинская сторона не предлагает абхазам никакого проекта по мирному урегулированию конфликта. Насколько мне известно, неправительственными организациями Грузии был разработан такой проект и я с ним знаком. Я думаю, что и представители власти знакомы с этим документом и разделяют его основные положения. Что мы еще можем предложить абхазам помимо широкой автономии, общей валюты, на которой будет и абхазская символика?

Паата Закареишвили:

– Я рад, что вы знакомы с этим документом, одни из авторов которого являюсь я, но, к сожалению, он выражает мнение лишь семи человек в пятимиллионном государстве. Это не позиция нашего правительства, с которой власти ознакомили бы абхазскую сторону. Концепцию даже не рассматривали на Совете безопасности, или в соответствующем комитете парламента, тогда как со стороны представителей высшего руководства Абхазии я получил несколько сообщений о том, что они внимательно ознакомились с этим документом. Абхазская сторона прилагает усилия к тому, чтобы выйти на связь с нашим руководством, но к сожалению, встречают глухую стену"

Вальтер Кауфман:

– Мне кажется, на нашей встрече происходит очень важный процесс критического осмысления грузино-абхазской войны. Я думаю, что этот процесс более важен для грузинского, чем для абхазского общества. У абхазской стороны должно быть свое осмысление этого процесса. Абхазы ждут изменения политической воли в Грузии, но, к сожалению, этого пока не происходит. Но я все же думаю, что чем шире будут проходить дебаты по этим вопросам, тем лучше. Для

меня было очень интересно критическое осмысление конфликта с военной точки зрения.

Абхазы говорят, что мародерство было запланированной идеологией, что грузины намеревались выгнать их со своей территории. Они вспоминают, как в начале войны грузины сожгли их национальный архив. В рассуждениях абхазов на тему войны часто выражается их возмущение тем, что местные грузины повернули против них оружие. Я не знаю, насколько этот вопрос обсуждается в среде грузинских беженцев?

Вахтанг Колбая:

– Это очень тяжелый вопрос. Участие местных грузин в войне в Абхазии – это наша тяжелая ноша. Я думаю, что настанет время, когда мы скажем друг другу, что защищали свою Родину. Но утверждать сегодня, что все были не правы, потому что взяли в руки оружие и воевали, было бы не верно. Хотя я с вами вполне согласен в том, что необходимо дать оценку тому, что произошло. Настанет время, когда произойдет признание того, что это была трагическая ошибка, которую мы не должны были допускать. Поскольку конечная наша цель – вернуться, жить вместе, хотя нас там и не ждут.

Акиа Барбакадзе:

– То, что мародерство в Абхазии не было запланировано, легко доказать хотя бы тем, что оно имело место во всей Западной Грузии. Это сопутствующее гражданской войне явление, оно происходило во время войны и в Боснии-Герцеговине. Кроме того, если бы в планы тогдашнего грузинского руководства входило изгнание абхазов с их земли, то это можно было бы осуществить до падения Гагры. То есть для этого у нас было достаточно времени. Во время Второй мировой войны сталинский режим за двое суток всю Чечню эвакуировал в Казахстан. Мародерству благоприятствовало отсутствие порядка, военной полиции, все происходило спонтанно...

Шалва Пичхадзе, политолог:

– Меня интересует, что подразумевают представители грузинского общества под словом "урегулирование"? В каком случае наше общество сочло бы, что конфликт урегулирован? Наверно у представителей различных слоев общества разное представление о том, что значит урегулирование конфликта.

Нугзар Папуашвили, теолог:

– В чем причина того, что абхазам удалось наладить дипломатические отношения с Россией, а нам нет?

Акиа Барбакадзе:

– Нашим дипломатическим поражением является то, что в отношениях с абхазами или с северокавказскими народами мы нуждаемся в посредничестве третьей стороны, будь то Россия или международные организации. А абхазам удалось наладить отношения с Россией потому, что эта последняя использует их для сохранения своего влияния на Грузию.

Гия Сиамашвили